

Отрицая положения Веймарна и Стржеледкого, мы не можем не признать, что в византийское время нормальное историческое развитие Крыма возможно было только при условии постоянных и прочных связей с земледельческими русскими областями (в первую очередь Приднепровья и Подонья), для которых Крым являлся естественным берегом Русской земли. Чем прочнее были эти связи, тем полнокровнее могли развиваться производительные силы самого Крыма.

Более успешно после Великой Октябрьской революции производилось изучение русско-византийских связей в области искусства и литературы.

В трудах В. Н. Лазарева, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера отброшена старая оценка древнерусской живописи как „провинциального ответвления византийского искусства“. Так, Каргер пишет: „Русская живопись домонгольского периода все более выступает перед нами как большое и самостоятельное искусство и своими национальными и местными чертами искусство, несколько не уступавшее по высоте своих достижений ни западноевропейской, ни византийской живописи того времени“.¹

Ценные данные для истории русско-византийских отношений дает Д. С. Лихачев в ряде своих работ. Из них необходимо отметить его статью и комментарии в издании „Повесть временных лет“, т. II, статью „Культура Руси эпохи образования русского национального государства“, в которой автор показывает самостоятельность русской культуры XIV—XV вв., и, наконец, статью „Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы“, где автор дает правильное представление об историческом значении так называемого „византийского влияния“.² Лихачеву принадлежит также постановка проблемы о классовой сущности византийского влияния, т. е. обоснование положения, почему в поисках идеологической опоры господствующему классу древней Руси пришлось на определенном этапе обратиться к развитой культуре Византии и почему принималось из Византии то, что отвечало внутренним потребностям развивающегося феодального общества на Руси.

Основные выводы относительно изучения в русской буржуазной исторической науке вопроса о русско-византийских отношениях можно свести к следующему: в русской исторической литературе не имеется труда, специально посвященного истории этих отношений. Все, что написано по этому вопросу, не выходит за пределы общих курсов по истории древней Руси или Византии или представляет изложение отдельных частных вопросов.

Это и понятно, так как из тех немногочисленных источников, которые могут быть использованы для освещения интересующего нас вопроса, нельзя получить более или менее полного представления об этих отношениях в целом и о некоторых очень важных частностях. Кроме того, часть дошедших до нас источников является в ряде случаев отнюдь не безупречной.

Рядом с серьезными исследованиями, как, например, работы Васильевского и других, мы можем насчитать ряд работ, неудовлетворительных с точки зрения самых элементарных требований, которые мы предъявляем к историческим сочинениям, именно — верности историческим

¹ М. К. Каргер. Живопись. История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 394.

² Повесть временных лет, т. II, М.—Л., 1950 (статья и комментарии Д. С. Лихачева); Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Госполитиздат, Л., 1946; Д. С. Лихачев. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, 1951, № 12.